

Шильман М.

«ИДЕЯ ПРОШЛОГО» В ФИЛОСОФИИ КАНТА

К числу традиционных и постоянно актуальных вопросов философии истории относится вопрос доступа к прошлому, изучению которого посвящает свои усилия историческая наука. Круг проблем, решаемых сегодня исторической теорией, в значительной степени определен ориентацией на исследование способов создания исторических текстов, однако это не исключает интереса философии истории к анализу отношений между описанием прошлого и непосредственно прошлым. Обсуждение аспектов таких отношений проходит, по мнению Анкерсмита, преимущественно в пределах фундаментальных эпистемологических проектов; не последнюю роль здесь играет эпистемологическая теория Канта. В большинстве случаев, заключает Анкерсмит, «...дело заканчивается производством понятия «ноуменальной действительности» (в кантовской терминологии), к которой мы никогда не сможем получить доступ» [1, С.12]. Попытки предложения некантианских проектов эпистемологии (предпринятые, прежде всего, представителями философии языка или сторонниками прагматизма) приводят к необходимости вновь решать вопрос

212

«прошлого». Мы же попытаемся обозначить один из возможных путей решения проблемы отношения с историческим прошлым в пределах кантовской системы.

Согласно Канту, история есть актуализация свободы, и это означает актуализацию в форме истории идеи разума. В качестве последней свобода принадлежит ноуменальному миру и потому, отмечает Берковский, «...в истории мы можем наблюдать лишь ее (свободы – М.Ш.) феноменальный коррелят...» [2, С.122]. В то же время, очевидно, что история изучает прошлое, хотя само прошлое недоступно непосредственному восприятию и не может быть предметом возможного опыта. Как говорит Кант, то, что находится в прошлом време-

ни, неподвластно субъекту и находится «...в руках природы» [3, С.54]. Отсюда можно заключить, что история как эмпирический процесс во времени не предполагает свободу субъекта и прошлое, в этом случае, играет роль «преддетерминации» настоящего. Как связный процесс история характерна тем, что, руководствуясь ею, мы устанавливаем и используем «...цепь действий и их причин» [4, С.308, 322]. И мы могли бы предположить, исходя из этой связи, что причина настоящего действия находится в прошлом.

Такое предположение будет неверным, поскольку причинно-следственные связи предполагаются только во времени, а, значит, мы можем вышеуказанную причину настоящего действия положить не в прошлом, а только в прошлом времени. Прошлое, необходимым образом обуславливающее историю и фигурирующее в истории, есть, на самом деле, не прошлое само по себе, но некоторое прошлое состояние мира, стоящее в природном временном ряду подобных состояний. Именно поэтому Кант говорит, что мы можем «...проследить связь некоторых существующих ныне свойств природных вещей с их причинами в более древнее *время...*» (курсив наш – М.Ш.) [5, С.70].

Налицо различие между недостижимым прошлым самим по себе, не предполагающим последовательности во времени – и используемым в организации временного ряда прошлым временем. Именно в связи с представлением временного ряда, указывает Кант, вещи прошедшего времени «...суть предметы и действительны для меня в прошедшем времени» [4, С.308]. Прошлое время есть, таким образом, «феноменальный коррелят» того прошлого самого по себе, которое выступает как регулятивное для исторического исследования, или, другими словами, *идеей прошлого*. Из этого вытекает, что история как актуализация разума – это не только актуализация идеи свободы, но также и актуализация идеи прошлого. В общем, история может мыслиться как актуализация разных идей разума, – в функции от того, какая из них полагается доминантной, тот вид принимает и история. Философия истории у Канта подразумевает сознательный выбор ракурса и связанной с ним стратегии объяснения. Выбор Канта состоит в том, что он видит и объясняет историю с точки зрения про-

гресса свободы; мы же утверждаем, что, независимо результата выбора, любая точка зрения на историю подразумевает использование идеи прошлого.

Каким образом это следует из кантовской системы?

Согласно известному скептическому тезису, прошлого не существует, однако у человека есть представление о «прошлом», отличном и от «будущего», и от «настоящего». Кант демонстрирует уверенность в том, что прошлое в некотором смысле есть, и к нему возможно обращение. Это своего рода актуализация прошлого личного опыта, т.е. процесс, в ходе которого «мысленно обращаются к прошлому (вспоминают) только с той целью, чтобы таким образом можно было предвидеть будущее...» [6, С.423]. Однако такое предвидение расценивается Кантом как эмпирическое и, следовательно, не приводит к производству понятий. Для того чтобы появилась возможность произвести понятие, необходима работа не способности предвидения, но способности воображения. Но и она, в данном ракурсе, трактуется Кантом как связанная с памятью: репродуктивное воображение может «... вновь вызывать при случае *знаки для* (курсив наш – М.Ш.) понятий даже из далекого

213

прошлого...» [7, С.238]. Однако под знаки невозможно подставить предмет; и это значит, что для производства понятий воображение необходимо, но недостаточно.

Безусловно, надо обладать изрядной долей воображения для того, чтобы представить себе прошлое. Юм показал, что нет никакой логической необходимости, согласно которой мы можем верифицировать свое представление о нем. А, значит, никто не может логически обосновать, что находящееся в наличии – последствия того, что некогда имело место. Другими словами, не находится рационального основания считать нечто несуществующее причиной существования того, что наличествует. Тогда приходится – поскольку, даже будучи предметом исторической дисциплины, прошлое не может выступать предметом созерцания – решать вопрос о том, каким же образом прошлое дано.

Кант исключает логическое следование, чтобы не решать ситуацию, в которой, по словам Рассела, «...то, что *называется* знанием о прошлом, логически независимо от самого прошлого» [8, С.80]. Взамен этого он предлагает аналогию в качестве и средства «перемещения» во временном ряду, и способа «касания» области ноуменального. Он также проводит разделение исторического знания и знания рационального, пытаясь исподволь расширить область возможного опыта. Историческое знание для того, кто им обладает, определяется как данное извне и «... все равно получено ли им это знание из непосредственного опыта, или из рассказа о нем...» [4, С.488]. Раз не важен источник, посредством которого формируется историческое знание, то, очевидно, воображение может работать не только на основании «своего» воспоминания (как свидетельства того, что нечто действительно было), но и на основании любого свидетельства извне. Всякое сообщение о прошлом или ссылка на прошлое (принадлежат ли они конкретному субъекту или подразумеваются использующимся языком) может вызывать образ прошлого в воображении.

Однако, то, что достаточно для воображения образа прошлого, недостаточно для представления прошлого. От того, что прошлое можно вообразить по свидетельствам извне, прошлое все равно не становится предметом возможного опыта. Воображение не снимает естественного вопроса достоверности тех сообщений о прошлом, которые мы получаем извне и критерий непорочности которых остается камнем преткновения исторического знания вообще. Юм в связи с подобной проблемой надеялся на добросовестность «передающих инстанций», что, в общем, означает веру и в «существование» прошлого, и в то, что сообщения о нем не являются намеренной фальсификацией или явным вымыслом. Кант, полагая историческое знание как *cognitio ex datis*, подходит к проблеме источников и свидетельств аналогично; Берковский, делая такой вывод, приводит цитату из его «Лекций по логике»: «большая часть наших когниций происходит из веры, и без веры мы бы остались лишенными очень многих исторических когниций. У нас были бы только когниций того времени, в котором мы живем, и места, в котором мы находимся» [2, С.134]. В связи с этим можно

также указать и на предисловие ко 2-му изданию «Критики чистого разума», в котором Кант упоминает о том, что ему «...пришлось ограничить (aufheben) знание, чтобы высвободить место вере...» [4, С.24]. Образно говоря, без веры в то, что нечто существует, абсурдно предполагать и знание о нем.

Для того чтобы было возможно историческое знание, необходимо освободить место вере в прошлое. Прагматика требует проигнорировать скептическую точку зрения (делающей невозможной какую-либо историю и философию истории) и противопоставить ей уверенность в том, что прошлое в целом некоторым образом дано. Для практикующего историка ясна необходимость конструирования прошлого как залог жизнедеятельности его дисциплины. Но в таком случае речь должна идти не о прошлом времени, «участвующем» в создаваемой истории, а о том прошлом, которое выполняет по отношению к истории регулятивную функцию. А это значит, что

214

требуется некоторое вневременное прошлое, которое вечно, неизменно, которое представляет бывшее как не отменное. И, поскольку его нельзя ни изменить, ни отменить, – оно в этом качестве есть данность. В качестве такового может выступить только нечто универсальное и единое, представление о чем достижимо априори, т.е. то, что не принадлежит феноменальной действительности и не смешивается в своем понятии с моментами эмпирического процесса, каждый из которых может быть «прошлым временем». Искомое, следовательно, должно быть проблематическим предметом как с точки зрения возможности его созерцания, так и с точки зрения на него как на предмет возможного опыта.

По мнению Мамардашвили («Кантианские вариации»), термины вечности и неизменности у Канта относятся к событиям. События – уже бывшие, они уже случились и их нельзя отменить; они в прямом смысле слова принадлежат прошлому. Прошлое, в таком случае, можно представлять как нечто, напоминающее «резервуар событий» (Данто), которые прошли. И мы, согласно Канту, можем синтезировать прошлое на основе эмпирического понятия о моментах «прошлого времени», но только в аспекте его единства вообще. Т.е. путем фи-

гурного синтеза мы способны получить в свое распоряжение прошлое как предмет для познания (что может удовлетворить, в первом приближении, историческую науку), который един «за счет» трансцендентального единства. Но это будет, скорее, начерно набросанная слепым продуктивным воображением схема предмета, т.е. нечто достаточно бесполезное в практическом плане. Кант утверждает, что «воображение есть способность представлять предмет также и *без его присутствия* в созерцании» [4, С.110], из чего следует, что прошлое все же можно представить, не имея возможности его чувственно созерцать. Но в таком априорном созерцании прошлое весьма проблематично для понимания; оно может быть истолковано как бессодержательная идея или как навязчивая иллюзия.

Спонтанный синтез способности воображения продуцирует, сообразно с единством апперцепции, формальную схему предмета, который не может быть в наличии. В таком случае мы имеем не ассоциацию, но объединение данных, производимое трансцендентальным субъектом; хаос данных объединяется и подводится под категории мышления согласно принципу единства. Строго говоря, никакие данные в своей изначальной данности не созерцаются; они уже оформлены. Но, также, данные – это всегда и прошлое по отношению к моменту их обработки. Либо это «мое» прошлое, данное мне посредством воспоминания, либо «чужое» прошлое, переданное мне тем или иным способом. Кант заручается единством всех «видов» прошлого посредством единства трансцендентального познающего субъекта, чье прошлое и познается. Он определяет трансцендентальное как то, что «...опыту (a priori) хотя и предшествует, но предназначено лишь для того, чтобы сделать возможным опытное познание» [9, С.199]. Комментируя кантовские определения, Мамардашвили заключает: «только трансцендентально можно представлять упакованное (а, значит, единое, всеобщее, сконструированное – М.Ш.) прошлое» [10, С.301]. Прилагая эти определения к рассматриваемому нами вопросу, можно вести речь о том, что прошлое трансцендентально по форме, и оно формально предшествует и дает возможность опытному познанию «прошлых времен».

В некотором смысле, Кант предполагает некое обобщенное познаваемое прошлое за счет трансцендентального (обобщенного) познающего субъекта. Интерпретацию этого предположения мы находим в трактовке Гуссерлем того прошлого, которое неотъемлемо принадлежит «трансцендентальной субъективности». Статус прошлого для Гуссерля очевиден: «...прошлое самого его, большей частью совершенно темное...» относится им к области того, что «...не познано в опыте, но соплагается (живому настоящему – М.Ш.) в силу необходимости» [11, С.350]. Тем самым Гуссерль косвенно повторяет свой же вопрос теоретического плана: «откуда

215

получаем мы идею прошлого?» [12, С.21]. С точки же зрения прагматики он проводит разделительную черту между «живым настоящим» и, как следует полагать, «мертвым прошлым». Последнее в высшей степени созвучно мнению Пирса, согласно которому «...наша идея прошлого есть в точности идея того, что абсолютно определено, закреплено... и лишено жизни» [13, С.285]. Но – для того, чтобы показать, что идея прошлого органично вырастает и из самой кантовской системы, – вернемся к Канту.

Прошлое есть отсутствующий предмет вообще как формальное единство, схема, целостность, но отнюдь не как предмет возможного опыта, а как «идеальный предмет». Оно, по сути, есть лишь образ прошлого или, как говорит Кант, «пустое созерцание без предмета» (*ens imaginarium*) и представляет «пустые данные для понятий» [4, С.213-214], сводимые воедино в фигурном синтезе. Для того чтобы воспоследовал синтез интеллектуальный, сообщающий понятие, необходимо иметь возможность подведения этого предмета под категории. Но если мы ведем разговор не о прошлом времени, а о прошлом, которое «вне времени», то единство последнего никак не предполагает временного единства. Кант же определенно указывает на то, что там, «где не может быть... временного единства..., там категории не только нельзя применять, но они теряют всякое значение...» [4, С.192].

По этому поводу Делез замечает, что схема воображения, обеспечивающая вне зависимости от предмета, соответствие категориям, появляется вынужденно тогда, когда рассудок обременяет себя спекулятивным интересом. Существование априорных понятий рассудка в столкновении с его спекулятивным интересом вызывает необходимость найти способ приписывания априорных понятий не только по «прямому назначению» – т.е. к предметам возможного опыта, – но вообще к каким бы то ни было предметам. В таком случае, делает вывод Делез, «...разум... должен формировать Идеи, выходящие за пределы возможности опыта», он «...вынужден – в спекулятивном интересе – определенным образом формировать трансцендентальные Идеи» [14, С.164].

Чтобы претендовать на понятие необходимо иметь дело с идеей; Кант упоминает такую связь, утверждая, что «идея есть понятие разума о форме некоторого целого...» [4, С.486] или, по крайней мере, «идея означает, собственно говоря, некое понятие разума...» [7, С.236]. Но если разум формирует трансцендентальную идею, то он также вынужден и обеспечить какое-то соответствие этой идеи – феноменальному многообразию. В кантовской системе предполагается, что имеет место некая гармония; по мнению Гуссерля наблюдается соположение по необходимости; Делез энергично настаивает на том, что «...мы имеем здесь только соответствие, неопределенное согласие» [14, С.166]. В рассматриваемом нами случае можно сказать о неопределенности объекта идеи прошлого и о том, что идея прошлого – как идея разума – это некий аналог схеме продуктивного воображения, создаваемой «по мотивам» восприятия.

Согласно Канту, создание всякой науки есть положение в ее основу какой-то идеи; собственно, и определение науки должно совершаться не по ее описанию, а «...соответственно идее, которая... оказывается основанной в самом разуме» [4, С.487]. Что касается исторической науки, то она, занимаясь изучением прошлого, с необходимостью (и прежде всего) кладет в свое основание идею прошлого. Занятие историей подразумевает умеренный скепсис, – пусть прошлое и недоступно непосредственно, отмечает Анкерсмит, но, в то же время, «никто... ни на мгновение не допускает, что прошлое есть просто чья-то субъ-

ективная идея» [1, С.248]. И так как, по утверждению Канта, «идея нуждается для своего осуществления в *схеме...*» [4, С.486], создаваемые во множестве схемы истории предлагают варианты осуществления различных идей разума, каждая из которых неотрывно «сопровождается» идеей прошлого.

216

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. – М.: «Прогресс-Традиция», 2003. – 496 с.
2. Берковский Й. Философия истории Канта в современном прочтении // Философские науки. – М., 1997. – №3-4. – С.121-143.
3. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе // Соч. в 6 тт. – М.: «Мысль», 1965. – Т. 4, Часть 2. – С.7-57.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М.: «Мысль», 1994. – 592 с.
5. Кант И. О применении телеологических принципов в философии // Соч. в 6 т. – М.: «Мысль», 1966. – Т. 5. – С.67-97.
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. в 6 тт. – М.: «Мысль», 1966. – Т. 6. – С.351-588.
7. Кант И. Критика способности суждения // Соч. в 6 тт. – М.: «Мысль», 1966. – Т. 5. – С.163-527.
8. Russell B. The Analysis of Mind. Цит. по: Данто А. Аналитическая философия истории. – М.: «Идея-Пресс», 2002. – 292 с.
9. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч. в 6 тт. – М.: «Мысль», 1965. – Т. 4, Часть 1. – С.69-210.
10. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. – М.: «АГРАФ», 1997. – 311 с.
11. Гуссерль Эд. Картезианские размышления // Логические исследования. Картезианские размышления. – Мн.: «Харвест», М.: «АСТ», 2000. – 752 с. – С.324-523.
12. Гуссерль Эд. Феноменология внутреннего сознания времени // Соб. соч. – Т. 1. – М.: «Гнозис», 1994. – 162 с.

- 13.Пирс Ч. Начала прагматизма. – СПб.: «Алетейя», 2000. – 352 с.
- 14.Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях // Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: «ПЕР СЭ», 2001. – 480 с. – С.145-225.